

УДК 1(091)

**ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ В ИДЕОЛОГИИ
И ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ**

В. В. Бочарова

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 29 августа 2016 г.

Аннотация: *данная статья посвящена проблеме анализа феномена насилия в идеологической и политико-философской плоскости. В центре анализа находятся особенности современной общественной мысли в их попытках политического решения социальных проблем вне насильственных методов. Также рассматриваются основные составляющие современной либерально-демократической идеологии в их отношении к проблеме политического насилия.*

Ключевые слова: *идеология, либерализм, насилие, утилитаризм.*

Abstract: *the article is devoted to the analyses of violence in ideology and Philosophy of Politics. It gives a particular emphasis upon the specific features of comporary thinking in regard to finding political solutions to the social problems beyond violet means. It also gives coverage to the main components of modern liberal ideology with reference to the problem of political violence.*

Key words: *ideology, liberalism, violence, utilitarian.*

Актуальность проблематики насилия в современной политической философии несомненна. Исследователи социальных и политических процессов по всему миру отмечают возрастающее значение выработки взвешенных научных подходов к решению вопросов, связанных с различными аспектами насилия. Особую актуальность приобретает проблема установления теоретических и экзистенциальных оснований динамик, связанных с насилием в современном идеологическом сознании и философии политики, являющейся в некотором роде рефлексивной инстанцией по отношению к идеологии.

Проблема, возникающая перед исследователями идеологической сферы, направившими свое внимание на анализ насилия в его политическом измерении носит двоякий характер. С одной стороны, главной особенностью политического измерения насилия является его институционализация в определенных учреждениях и правовых нормах. Сюда же относится и стремление тех или иных разновидностей идеологического сознания закрепить именно свою программу институционализации насилия, соответствующую тем или иным идеологическим представлениям. С другой же стороны, те процессы, которые разворачиваются в связи с борьбой различных политических сил за осуществление своего проекта институционализации насилия в его самых разнообразных формах, подразумевают непосредственное участие индивидов и малых

групп как носителей конкретных ментальных установок. Перед исследователем встает проблема разрешения противоречия между институциональным характером политического насилия и неинституциональной природой базовых динамик политического насилия, реализующихся на уровне конкретной личности и конкретного коллектива.

Всю сложность и значимость данной проблемы признает западный исследователь общественно-идеологической сферы Stathis N. Kalyvas. В своем анализе гражданских противостояний на политической почве, которые имели место в последние десятилетия по всему миру, он приходит к характерному выводу: «While local cleavages are by no means the only mechanism producing allegiance and violence, they appear to have substantial impact on the distribution of allegiances as well as the content, direction, and intensity of violence. This evidence lends support to the view that both the distribution of allegiances across the population and the violence that takes place are often (though not always) a function of preexisting local rivalries whose connection to the cleavage that informs the civil war is tenuous and loose – even when conflicts are framed in the discursive terminology of the master cleavage». (Учитывая, что локальные противоречия не могут ни при каких обстоятельствах являться единственным механизмом, производящим союзы и насилие, они оказывают фундаментальное воздействие на формирование союзов и на содержание, направленность и интенсивность насилия. Этот факт служит подтверждением тому взгляду, согласно которому и формирование союзов среди населения, и имеющее место насилие часто (но не всегда) являются функцией от предшествующих локальных противостояний, чья связь с противоречием, которое формирует гражданскую войну, является слабой – даже когда конфликты протекают в рамках дискурсивной терминологии главного противоречия) [1, p. 479].

С этой точки зрения насилие, переходя в идеологическую и политическую плоскости, претерпевает значимую трансформацию, внимательное изучение и подробное описание которой должно стать исследовательской задачей общественных наук нашей эпохи.

Речь идет о том, что в сфере идеологии и политики насилие отрывается от своих бытовых, экзистенциальных, психологических корней и приобретает новое качество. Насилие становится идеей, абстрактно выраженным, рационально (или же иррационально) обоснованным комплексом установок, который обладает определенной степенью самостоятельности и независимости от своих первичных носителей. Когда насилие получает такую разновидность идейной самостоятельности, следующим пунктом в логике развития этого феномена становится решение вопроса о возможности и форме институционализации насилия в рамках конкретной цивилизации или конкретного социума. Первая часть вопроса, т.е. возможность самой институционализации насилия, агентами которой является та или иная группа, решается в рамках идеологической борьбы. Это обстоятельство создает плоскость анализа феномена насилия в идеологии. Вторая же часть вопроса – определение

конкретной формы институционализации насилия – решается в рамках философии политики, что, в свою очередь, создает соответствующее измерение общественных исследований.

Кроме того, отмеченное выше противоречие между безличным и абстрактными характерами институционализации насилия и конкретными носителями общественного идеологического и политического сознания заставляет рассматривать феномен насилия и с точки зрения анализа соответствия исходных импульсов общественного конфликта тем идеологическим программам, которые берут на себя функции выразителей интересов участников данного конфликта. Иными словами, исследователь феномена насилия в современном идеологическом и философско-политическом аспектах должен учитывать, по крайней мере, три измерения.

Возникающая при учете третьего (экзистенциально-психологического, связанного с конкретными индивидами и коллективами) измерения насилия, сложность связана с подвижностью границ общественного сознания, которое может с выдающейся легкостью переходить от бытовых форм к политическим и религиозно-фанатическим, иницируя тем самым синтез самых разнородных идеологических предпосылок, способный привести к непредсказуемым последствиям. Понимая всю опасность фанатизма, являющегося одним из главных корней институционализации насилия, Н. А. Бердяев делал следующий вывод: «Фанатики, совершающие величайшие злодеяния, насилия и жестокости, всегда чувствуют себя окруженными опасностями, всегда испытывают страх. Человек всегда совершает насилие из страха. Аффект страха глубоко связан с фанатизмом и нетерпимостью. Излечение от страха и было бы излечением от фанатизма и нетерпимости. Фанатику диавол всегда кажется страшным и сильным, он верит в него более, чем в Бога. Фанатизм имеет религиозные истоки, но он легко переходит на сферу национальную и политическую. Национальный или политический фанатик также верит в диавола и его козни, хотя бы религиозная категория диавола была ему совершенно чужда. Против сил диавола всегда создается инквизиция или комитет общественного спасения, всесильная тайная полиция. Эти страшные учреждения всегда создавались страхом диавола. Но диавол всегда оказывался сильнее, он проникал в эти учреждения и руководил ими» [2]. Здесь великий русский философ описывает важнейшую динамику, устанавливающую связь между экзистенциально-психологическим и общественно-политическим измерениями насилия. Используя метафору «диавола» как руководителя инквизиции, Бердяев точно передает смысл и последствия удачно проведенной институционализации насилия в сфере идеологии и политики. Именно темные, иррациональные импульсы всегда берут верх над рациональностью и просвещением, при переходе от парадигмы политических взаимоотношений, не предполагающей масштабной институционализации насилия, к парадигме, предполагающей такой процесс.

Исследователи общественно-политических процессов в рамках современной философии политики уже в полной мере осознали всю гу-

бительность масштабной институционализации насилия через формы идеологии и политики для цивилизованных общественных объединений. Так, отечественные авторы В. П. Пугачев, А. И. Соловьев отмечают: «Политическое насилие отличается от других форм не только физическим принуждением и возможностью быстро лишить человека свободы, жизни или нанести ему непоправимые телесные повреждения, но также организованностью, широтой, систематичностью и эффективностью применения. В относительно спокойные, мирные времена его осуществляют специально подготовленные для этого люди, обладающие оружием и другими средствами принуждения, объединенные жесткой организационной дисциплиной и централизованным управлением, хотя в периоды восстаний и гражданских войн круг субъектов насилия значительно расширяется за счет непрофессионалов» [3].

Современная философия политики активно стремится к выработке новых теоретических подходов, способных предотвратить потенциальную экспансию масштабных идеологических комплексов, грозящую не менее масштабной институционализацией насилия в современных обществах. Однако эти попытки до сих пор не увенчались никаким значительным успехом. С одной стороны, причину этого можно усмотреть в инертности общественного сознания, которое, двигаясь по определенным идеологическим рельсам, не способно быстро изменить свое направление. С другой стороны, современная философия политики во многом остается заложницей старых теоретических подходов и является, таким образом, в большей степени политической философией, нежели философией собственно политики.

Существенной проблемой на пути к решению описанных выше проблем является отсутствие гарантий конкретного положительного политического эффекта. Идеологическая и политическая сфера общества – это пространство, в котором любое теоретическое допущение обладает неизбежными практическими последствиями. В современной западной философии политики эта ситуация приводит к тому, что теоретики политической сферы пытаются найти максимально компромиссное решение, способное устроить все стороны, и, таким образом, предотвратить политическое насилие.

Так, Джон Ролз, краеугольная фигура современной философии политики, стремится к воплощению идеи всеобщей справедливости через институциональные формы либеральной демократии. Ролз призывает нас трезво взглянуть на возможности конституционных форм политического действия: «Ясно, что любая осуществимая политическая процедура может привести к несправедливому результату. На самом деле не существует схемы процедурных политических правил, которая гарантированно препятствовала бы принятию несправедливого законодательства. При конституционном режиме, да и при любом политическом устройстве, идеал совершенной процедурной справедливости реализовать невозможно. Лучшая из возможных достижимых схем – схема несовершенной процедурной несправедливости. Однако некоторые схемы проявляют

тенденцию чаще порождать несправедливые законы. Вторая проблема, таким образом, заключается в выборе из различных процедур, являющихся одновременно и справедливыми, и достижимыми, таких, которые с наибольшей вероятностью приведут к справедливому и эффективному правовому устройству» [4, с. 178]. Описываемое Ролзом «справедливое и эффективное правовое устройство» выступает тем идеальным ориентиром западной философии политики, который предположительно будет препятствовать масштабной институционализации насилия. Однако теория Ролза сама по себе не является в этом отношении совершенной и провоцирует закономерные вопросы, связанные с проблематикой насилия.

Главный из этих вопросов связан с тем, что либерально-демократическая идеология, выступающая основанием для теории Ролза, содержит в себе свой собственный скрытый источник институционализации насилия. Утилитаризм, как общепризнанный фундамент различных вариаций либерализма, служит в современной философии политики этическим основанием тех политических процессов, которые в конечном итоге выражаются в масштабном применении насилия. Забота об общественной пользе в утилитаризме переходит в стремление максимальной эффективности. У. Кимлика отмечает: «Для утилитариста равные количества полезности равнозначны, независимо от того, чья это полезность. Никто не занимает привилегированную позицию при подсчетах полезности, никто не имеет права претендовать на большее количество благ от какого-то действия, чем другие. Поэтому наша задача – получение таких последствий, которые удовлетворяют наибольшему количеству (основанных на полной информации) предпочтений членов общества» [5, с. 41].

За благим фасадом общей пользы и стремления к удовлетворению всеобщих интересов может легко скрываться конкретная идеологическая заинтересованность политической группы. В этом отношении Дж. Ролз, критикующий утилитаризм и отмежевывающийся от него в своей версии коммунитаризма, занимает двойственную позицию. С одной стороны, он признает неправомерность абстрактного приоритета общественной пользы и эффективности перед вниманием к каждому конкретному индивиду. Но, с другой стороны, его собственный вариант трактовки общественной пользы также допускает возможность реализации политического насилия в масштабах, не меньших, чем классический утилитаризм. Ролз говорит о том, что перераспределение общественных ресурсов в пользу определенных социальных групп и общественное неравенство возможны в том случае, если эти перераспределение и неравенство служат интересам социальных групп, оказавшихся в наименее выгодных условиях. В этом и состоит его представление справедливости, выстроенное в оппозиции к марксистскому и коллективистскому ее пониманию. И в этом заключается наиболее важное для нас обстоятельство. Политическое насилие, если мы примем позицию Ролза, может стать институциональным феноменом, заручившись морально-этической поддержкой принципа справедливости, понятого как возможность создания общественного неравенства в целях обеспечения интересов наиболее угне-

тенных групп. Идет ли речь о «позитивной дискриминации», предполагающей приоритетность угнетаемых меньшинств перед благополучным большинством, или о необходимости перераспределения определенного вида ресурсов во имя помощи наиболее нуждающимся, с точки зрения осуществляющих данное перераспределение. Не стоит забывать, что за теоретически нейтральным выражением «перераспределение общественных ресурсов» стоит совершенно конкретная политическая реальность, которая ставит одну группу перед необходимостью забрать нечто у другой группы, что чаще всего приводит к силовому противостоянию. Теория Ролза открывает путь любым «перераспределениям», если они заручились поддержкой этической установки на допустимость неравенства в целях обеспечения интересов угнетенных. На практике это приводит к тому, что становится легитимным угнетение одних в целях обеспечения интересов других, интересов реальных или идеологически сконструированных.

В связи с этим современная философия политики поднимает проблемы насилия в отношениях между меньшинством и большинством в конкретном социуме. Две универсальные идеологические позиции, индивидуалистическая и коллективистская, по-прежнему остаются в центре философских споров современности. С точки зрения неомарксизма и коммунитаризма общее благо должно выступать высшей ценностью и высшей санкцией в отношении тех индивидов, которые не желают жертвовать своими личными интересами ради общественных.

С точки зрения либерализма и либертарианства общее благо является предельным выражением социального и политического насилия, препятствующим по-настоящему прогрессивным силам общества. Своеобразным общим знаменателем выступает здесь всё тот же утилитаризм, сводящий все социальные конфликты к тем или иным видам общественной и личной пользы. Но проблема для исследователя современной идеологии и философии политики состоит в том, что утилитаризм не представляет четкой теоретической стратегии: «Когда вопрос состоит в том, защищать ли угнетенное большинство от малочисленной привилегированной элиты, утилитаризм дает ясный и прогрессивный ответ. Но когда вопрос в том, защищать ли угнетенное меньшинство от многочисленного привилегированного большинства, – утилитаризм дает неясные и противоречивые ответы, в зависимости от того, как мы определяем и оцениваем краткосрочные и долгосрочные эффекты» [5, с. 76].

Так, насилие в его идеологическом и политическом измерении может получать две диаметрально противоположные интерпретации в зависимости от ценностной ориентации исследователя. При этом легитимным, подлежащим институционализации видом насилия становится тот, который в большей степени соответствует представлениям того или иного заинтересованного индивида о справедливости. То есть проблема анализа политического насилия неуклонно смещается в морально-этическую плоскость, где ценностные суждения делают крайне затруднительным объективный анализ положения вещей. Роль утилитаристского фунда-

мента современной западной философии политики заключается здесь в том, что различные интерпретации и трактовки либерализма и коммуитаризма, предполагающие акцент на тех или иных видах общей пользы, могут быть использованы адресно, для разработки конкретных идеологических решений в тех или иных актуальных политических вопросах, требующих легитимации политического насилия.

К примеру, радикальная либертарианская критика государственных институтов приспособлена для легитимации политического насилия, осуществляемого в отношении тех социальных групп конкретного общества, которые назначены выполнять обслуживающую функцию по отношению к интересам бизнес-структур национального или глобального масштаба: «Либертарианство отличается от других правых теорий своим утверждением о том, что налогообложение с целью перераспределения по своей природе является злом, нарушением прав людей» [5, с. 141]. При этом, однако, не говорится о том, что нарушением прав людей можно считать и их разделение по имущественному признаку, и ограничение доступа к общественным благам тех групп, которые не обладают соответствующей экономической базой. Таким образом, на идеологическом уровне легитимируется экономическое насилие, обладающее потенциалом перехода в конкретное физическое насилие при условии дестабилизации экономической модели.

Здесь мы находим еще одно подтверждение того, что позиция исследователя в отношении насилия заранее регламентирована его ценностными установками, имеющими до-теоретический характер и подлежащими устранению из научного пространства. Выбор правильной, т.е. способной обеспечить достоверность и объективность результатов теоретической точки зрения, важен и при анализе взаимоотношения частного и общего в изучаемом вопросе: «Indeed, the violence of civil wars is described and classified as “political violence”. Most macro studies disregard the private content of “political violence” and miscode individual cases. However, identifying the locus of agency is highly consequential from a theoretical point of view». (На самом деле, насилие гражданских войн описывается и классифицируется как «политическое насилие». Большинство макроисследований недооценивают личностное содержание «политического насилия» и игнорируют индивидуальные случаи. Однако определение источника деятельности в большой степени следует из теоретической точки зрения [1, p. 484]).

Таким образом, проблема исследования феномена насилия, в его идеологическом и политико-философском аспектах, остается открытой. Общим выводом данной статьи можно считать утверждение необходимости всестороннего изучения феномена насилия в контексте ценностных ориентаций конкретного социума или цивилизации. При этом проблематика взаимосвязи частного и общего уровней проявления политического насилия также должна выйти на первый план.

Современная общественная наука должна приложить все усилия к тому, чтобы политическое насилие как форма решения общественных

проблем перестало восприниматься как перспективная форма организации социального мира. Должна быть преодолена ситуация, описанная Е. М. Поляковым: «XX век продемонстрировал тот факт, что в политике массовое насилие может заменять собой эффективность управления. До сих пор многие диктатуры, опиравшиеся на репрессивный аппарат подавления, воспринимаются как режимы, способные успешно справиться со многими сложными задачами (модернизацией, индустриализацией, ускорением технического развития и др.)» [6, с. 31].

Для того чтобы на всех уровнях общества стала очевидной иллюзорность успешности политического насилия, необходимо провести фундаментальную теоретическую работу по переоценке многих устоявшихся на глобальном уровне ценностей и представлений. Разработка эффективной методологии анализа политического насилия должна стать первым и важнейшим шагом в этом направлении.

Литература

1. *Stathis N. Kalyvas*. The Ontology of «Political Violence»: Action and Identity in Civil Wars. Perspectives on Politics 1:3 / Stathis N. Kalyvas – September 2003, Vol. 1/No. 3, pp. 475–494. – Mode of access: <http://stathis.research.yale.edu/files/The%20Ontology%20of%20Political%20Violence.pdf>

2. *Бердяев Н. А.* О фанатизме, ортодоксии и истине / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/fanatizm.html>

3. *Пугачев В. П.* Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/pugachev_politology/ch12_i.html

4. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ. В. Целищева, В. Карпович, А. Шевченко. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 532 с.

5. *Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М. : Юристъ, 1994. – 703 с.

6. *Поляков Е. М.* Анализ эффективности насилия в политике / Е. М. Поляков // Общество : политика, экономика, право. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-nasiliya-v-politike>

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Бочарова В. В., кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: bosfor4878@mail.ru

Тел.: 8-920-245-29-73

Yelets State University named after I. A. Bunin

Bocharova V. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: bosfor4878@mail.ru

Tel.: 8-920-245-29-73